

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВОГО ПРОШЛОГО НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА РУСИ ПРОТИВ МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ИГА

В. В. Каргалов

О завоевательных походах монголо-татарских ханов, о тяжелой и кровопролитной борьбе народов нашей Родины, истощившей силы захватчиков, рассказывается в этом очерке. Два с половиной столетия продолжалась борьба Руси с золотоордынским игом. Русь знавала и тяжелые поражения, и яркие вспышки народных восстаний против угнетателей, и славные победы на ратном поле. Эти страницы героической истории вошли составной частью в прошлое и многих других народов Восточной Европы. Так, волжские болгары, тоже ставшие жертвой Батыева нашествия, яростно сопротивлялись завоевателям. XIII—XV столетия, о которых повествуется ниже, — это не только, как известно, важнейший этап в становлении новых политических формирований на территории Восточной Европы, но в то же время одна из самых колоритных эпох в истории героических веков освободительной борьбы народов Руси и соседних земель.

1. «Пришла неслыханная рать...»

«Пришла неслыханная рать... Их же никто хорошо не знает, кто они и откуда пришли, и какой язык их, и какого они племени, и какая вера их»,¹ — так записал в 1223 г. русский летописец о появлении у границ Руси нового опасного врага — монголо-татар. Русский летописец не ведал, что гораздо раньше далеко на востоке произошли события, которые позже тяжело отразились на судьбах многих народов и стран. Из бескрайних степей, раскинувшихся на просторах Центральной Азии, прибыли в 1206 г. на курултай (съезд) к берегам реки Онон монгольские князья («нойоны») с отрядами дружинников («нукеров»). Они провозгласили великим ханом, то есть верховным правителем монголов, Темучина. Будучи вождем одного из монгольских племен, он сумел в междоусобных распрях победить своих соперников, приняв новое имя — Чингис-хан. Его род был объявлен старшим из «всех поколений, живущих в войлочных кибитках». Многочисленные кочевые племена, обитавшие в монгольских степях и постоянно враждовавшие между собой, были объединены в рамках единого Монгольского государства. Скотоводческая знать захватывала пастбища, скот, закабаляла рядовых кочевников. В Монголии разлагался родоплеменной строй и складывались феодальные отношения. Образование Монгольского государства было прогрессивным явлением: закончились кровопролитные междоусобные войны, создавались предпосылки для экономического и культурного развития страны, для возникновения монгольской народности. Однако кочевая феодальная знать жаждала захватнических войн, завоеваний и ограбления соседних народов. Причины такой неудержимой агрессивности монгольских феодалов коренились в особенностях хозяйства страны. Эксплуатация собственных подданных не могла удовлетворить их жажду к обогащению: кочевое скотоводство — основное занятие монгольского народа — было сравнительно малопродуктивным. Любое расширение производства на этой базе требовало новых и новых земель под пастбища, а приобрести их можно было только путем завоевательных войн. Быстро и легкого обогащения монгольские феодалы могли достичь лишь ограбив другие страны, накопившие за свою многовековую историю большие богатства и создавшие трудом своих народов более высокую по тому времени материальную и духовную культуру. Завоевательным походам благоприятствовала и историческая обстановка, сложившаяся в первой половине XIII столетия в ряде стран. И Китай, и Средняя Азия, и Иран, и Русь переживали период феодальной раздробленности и поэтому не всегда могли объединить свои военные силы для отпора завоевателям. Как правило, успех больших кочевнических вторжений и раньше обеспечивался не столько их собственной мощью, сколько относительной слабостью противников. Так было

¹ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. I. М. 1962, стб. 503, 509.

с гуннами и аvaraми, не имевшими против себя объединенных сил народов, на которые они нападали. Так произошло и с монголами².

Монгольские ханы в своих притязаниях опирались на многочисленное и хорошо вооруженное, сплоченное благодаря еще не исчезнувшим родовым связям войско, воспринявшее многовековой опыт кочевых племен и военные знания покоренных народов. Подробно описал организацию монгольского войска, его вооружение и тактику современник монголо-татарских завоеваний итальянец Плано Карпини, который по поручению римского папы Иннокентия IV в середине 40-х годов XIII в. ездил в ставку великого хана. Вот что сообщал Плано Карпини о монгольском войске: «О разделении войск. О разделении войск скажем таким образом: Чингис-хан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, а если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадает в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются. Об оружии. Оружие же все по меньшей мере должны иметь такое: два или три лука, или по меньшей мере один хороший, и три больших колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие с одной стороны и несколько кривые (то есть сабли.— В. К.); у них есть также вооруженная лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем — в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают, и таким образом удваиваются или утраиваются на теле... Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло,— из кожи. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа... Они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блестяще, что человек может видеть в них свое лицо. У некоторых из них есть копыя, и на шейке железа копыя они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изошрения стрел. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе, как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью.

О хитростях при столкновении. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей, и только раят и умерщвляют людей, а если не могут много, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство. За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее, все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках. Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой они делают кругом частые ручки, в которые вставляются веревки и завязывают так, что образуется в общем некий круглый мешок, который наполняют платями и иным имуществом, и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадью, человекз, который управляет бы лошадью. Или иногда берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадью, которой управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же, более бедные, имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, крепко связывают этот мешок сверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

Надо знать, что всякий раз, когда они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не

² Подробнее см.: И. М. Майский. Чингис-хан. «Вопросы истории», 1962, № 5; Н. Я. Мерперт, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Чингис-хан и его наследие. «История СССР», 1962, № 5.

могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и если их враги преследуют до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать или на двадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях юношей, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадях, это они делают для того, чтобы заставить думать о большом количестве воюющих. Перед лицом врагов они посылают отряд пленных из других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели противники, и таким образом окружают противников и замыкают их в середину; таким путем они начинают сражаться со всех сторон. И, хотя их иногда мало, противники их, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности это бывает тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство. А если случайно противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне. Однако надо знать, что если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

Об осаде укреплений. Укрепления они завоевывают следующим образом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь (речь идет о нефтяном составе в смеси с песком.— В. К.); мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо. А если они не одолевают таким способом, и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же этого сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него с оружием. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления. Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силой.

О вероломстве татар и о жестокости против пленных. Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предалась в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, и если случайно, в силу какого-нибудь обстоятельства, они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп. Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов. Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою³. По свидетельствам современников, даже крупные отряды монгольского войска, с обозами и осадными машинами, могли в случае необходимости делать за сутки 80-километровые переходы. Такие отряды Ф. Энгельс называл «подвижной, легкой конницей Востока»⁴.

Вторжению монголо-татарских полчищ обычно предшествовала тщательная разведка и дипломатическая подготовка, направленные на изоляцию противника от союзников и на раздувание внутренних усобиц. Монгольские ханы старались любыми средствами привлечь на свою сторону недовольных, чтобы разъединить силы противника. В составе монгольского войска имелись специальные лица — «юртджи», которые занимались военной разведкой. В их обязанности входило: определять зимние и лет-

³ Плано Карпини. История монгалов. М. 1957, стр. 49—54.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 14, стр. 27.

ние кочевья для войска, выбирать в походах места стоянок, собирать сведения о путях движения войск, состоянии дорог, запасах продовольствия и воды. Вести о противнике поступали от монгольских посольств, направлявшихся в соседние страны под предлогом переговоров о торговле или союзе, а также от купцов, посещавших с торговыми караванами интересовавшие завоевателей земли. Известно, например, что в Средней Азии и в Закавказье монгольские ханы пытались привлечь на свою службу богатых купцов, которые вели торговлю с другими странами. В завоевательных походах монгольское войско использовало также технические достижения других стран и пускало в ход разнообразную осадную технику: тараны для разрушения стен, метательные машины, штурмовые лестницы. Массовое применение осадных орудий помогало одерживать победы при осаде хорошо укрепленных городов. Так, при осаде Нишабура в Средней Азии монгольское войско пустило в дело 3 тыс. баллист, 300 катапульта⁵, 700 машин для метания горшков с горячей нефтью, 4 тыс. штурмовых лестниц. К стенам города подвезли и при помощи метательных машин обрушили на осажденных 2 500 возов камней. Но основная сила монголо-татарских завоевателей была все-таки в коннице, которая буквально втаптывала в землю все встречавшееся на пути. Бесчисленные табуны монгольских коней, крепких, привычных и к длительным переходам, и к зною, и к лютому холоду, не только перемещали монгольских воинов во время походов, но и помогали им в битвах, разрывая зубами и круша крепкими копытами коней и воинов противника. Монгольская лошадь неприхотлива. Даже зимой, из-под снега, она добывала себе пропитание и, не требуя почти никакого ухода, сама кормила своих хозяев молоком, конской кровью, мясом.

Завоевательные походы были для монголов как бы привычным делом: походная жизнь мало отличалась от их обычных передвижений по бескрайним степям. Суровые условия жизни кочевника-скотовода, кровавые войны и грабительские набеги определили своеобразный душевный мир кочевника. Жестокость, вероломство, свирепость в битве, железная дисциплина, цементировавшая еще родовой сплоченностью, постоянная готовность к походу и сражению — все эти черты монгольского воина были следствием его образа жизни. Монголо-татарские завоеватели, считавшие только войну необходимым и почетным делом и презиравшие созидательный труд и самих людей труда, были уверены в превосходстве воина-кочевника над тружеником-землепашцем. Жажда добычи вела ханов в тысячекilометровые походы, через пустыни и лесные чащи. Жажда обогащения гнала рядовых воинов на ошестинившиеся копьями и мечами укрепленные города, заставляла рисковать жизнью в кровопролитных битвах. Беспрестанные завоевательные войны в конечном счете губительно сказались на судьбе самого монгольского народа. Они в итоге стали главной причиной длительного политического, экономического и культурного упадка Монголии. Сотни тысяч монгольских воинов, оказавшихся в Китае и в Индии, в Иране и на Волге, в половецких степях и в Крыму, теряли связь с родиной, растворялись в массе покоренных народов, утрачивали даже родной язык. Многие из этих воинов погибли в трудных походах и кровопролитных сражениях. Огромные богатства, накопленные ценой крови, быстро растрачивались паразитической феодальной верхушкой и не использовались для благосостояния народных масс и развития хозяйства. В результате Монголия на несколько веков отстала в развитии даже от стран, ставших жертвами монголо-татарских опустошительных погромов. Монголо-татарское нашествие принесло человечеству, в том числе жителям земли Русской, неисчислимы жертвы, разрушения, гибель материальных и культурных ценностей. Европа пришла в трепет, когда монголо-татарская лавина сотен тысяч всадников пересекла Волгу и грозила растоптать под копытами коней европейскую цивилизацию. Героическое сопротивление русского народа и других народов нашей страны остановило это нашествие. Истекавшая кровью Русь в подлинном смысле слова спасла Европу.

2. Все ближе к Руси

Завоевательные походы монгольских ханов, продолжавшиеся с небольшими перерывами больше столетия, пачались сразу же после образования Монгольского государства. В 1207 г. монголы приступили к завоеванию племен, обитавших к северу от реки Селенги и в верховьях Енисея. В результате этих походов ханы захватили районы, богатые железодобывательными промыслами, что имело большое значение для вооружения войска. В том же году Чингис-хан завоевал тангутское государство Си-Ся в Центральной Азии, сделал его правителя своим данником, а тангутской конницей пополнив ряды монгольского войска. В 1209 г. монголо-татары вторглись в страну уйгуров (Восточный Туркестан) и подчинили ее себе. Под власть Чингиса попали многие народы Южной и Центральной Сибири: киргизы, буряты, ойроты и другие. Ими пополнялось монгольское войско. В 1211 г. Чингис предпринял широкое наступление на Китай и на третий год войны овладел Пекином. Следующий удар был направлен

⁵ Баллиста — метательная машина, действовавшая силой упругости скрученных волокон (сухожилий, волос). Она метала тяжелые стрелы, бревна и камни на расстоянии 400—1 000 метров. Катапульта — метательная машина, основанная на принципе противовеса.

на государства Средней Азии, куда Чингис отрядил 200-тысячное войско. Отряды хорезм-шаха Мухаммеда, не принимая генерального сражения, рассредоточились по укрепленным городам, и монголо-татары разбивали их по частям. В Самарканде, имевшем большой гарнизон и запасы продовольствия, против монголо-татар выступило только пешее городское ополчение, городская же знать предпочла сдаться на милость врага. Местные владельцы сдали без боя и Бухару, где находился 20-тысячный гарнизон и многочисленное ремесленное население, взявшееся за оружие в момент опасности. Без боя завоеватели захватили и сильную крепость Мерв. Упорное сопротивление монголо-татарам оказали народные массы Средней Азии. Несмотря на предательство правящей феодальной верхушки, крестьяне и горожане храбро сражались с коварным врагом. Много сложено сказаний о Тимур-Малике, который с отрядами храбрцев, неожиданно нападая на монголо-татар, неоднократно наголову разбивал их полки и уходил от преследования, чтобы снова неожиданно обрушиться на врагов. Народы Средней Азии много раз поднимались против завоевателей, но их восстания жестоко подавлялись монгольскими ханами. За три года войны (1219—1221) здесь погибли сотни тысяч людей, в огне пожаров сгорели города и кишлаки, были разрушены сложные ирригационные системы, уничтожены многие выдающиеся памятники архитектуры и искусства. Из городов Средней Азии завоеватели массами уводили в свои степи искусных ремесленников. Цветущая страна превратилась в пустыню, покрытую пеплом бесчисленных пожаров.

Покорив Среднюю Азию, монголо-татары вплотную придвинулись к границам Восточной Европы, которую они также хотели прибрать к своим рукам. Завоевательные планы монгольских феодалов были поистине безграничны. Они замыслили «разорить или обратить в рабство всю землю». Своему старшему сыну, Джучи, Чингис, как свидетельствует персидский историк Рашид-ад-Дин, повелел «отправиться с войском завоевать все области Севера, то есть (земли) Ибир-Сибир, Булар, Дешт-и-Кипчак, Башкирд, Рус и Черкес до хазарского Дербента, и подчинить их своей власти»⁶. Однако при жизни Чингиса эта широкая завоевательная программа не была осуществлена. Основные военные силы монгольских ханов вели войну в Китае, Центральной и Средней Азии.

В Восточную Европу в 1222 г. был предпринят разведывательный поход тридцатитысячного войска, возглавленного Джебэ и Субудая. Это войско двинулось через Северный Иран в Азербайджан, «совершая по прежнему обыкновению избиение и грабеж во всяком месте, которое попадалось на пути». Затем наступила очередь Грузии, народ которой оказал сопротивление завоевателям: грузины, «снарядив войско, приготовились к бою». Военная хитрость помогла монголам одержать победу. «Когда они сошлись друг с другом, Джебэ с 5 000 человек скрылся в засаде, а Субудай с войском выступил вперед. При первом натиске монголы показали тыл, а грузины пустились в погоню. Тогда Джебэ вышел из засады, монголы окружили их и в один миг убили 30 000 грузин». Однако грузинский народ продолжал борьбу, укрепившись в горных районах. Монгольское войско, не вступая в тяжелую и сулившую мало успехов войну в Грузии, пошло дальше на север, к Дербенту. Так как беспрепятственный проход через Дербент был невозможен, то дербентскому Ширван-шаху монголы послали такой текст: «Пришли несколько человек, чтобы нам заключить мирный договор». Шах выделил для этой миссии десять старейшин. Одного монголо-татары убили, а другим сказали: «Если вы укажете дорогу через это ущелье, то мы пощадим вам жизнь, если же нет, то вас также убьем». Те из страха за свою жизнь указали путь захватчикам. Аланские племена, занимавшие земли Северного Кавказа, призвали к себе на помощь половцев и «сообща сразились с войском монголов; никто из них не остался победителем». Предстояла новая битва. Тогда монголы предложили половцам: «Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие. Мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платя, сколько душа ваша пожелает, (только) предоставьте их нам». Действительно, монголы «прислали много добра», и половцы ушли обратно, а «монголы одержали победу над аланами, совершив все, что было в их силах по части убийства и грабежа». Однако половцы не успели воспользоваться монгольским золотом, полученным за предательство. Когда они, «полагаясь на мирный договор, спокойно разошлись по своим областям, монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали»⁷. В 1222 г. монгольское войско Джебэ и Субудая появилось в причерноморских степях, вблизи границ Руси. Когда монголы пришли на землю Половецкую, рассказывается в русской летописи, «половцы не могли противиться им»; один бежал к Дону и в Крым, другие — в Русскую землю. Половецкий хан Котян, тесть галицкого князя Мстислава, «пришел с поклоном с князьями половецкими в Галич к князю Мстиславу, к зятю (своему), и ко всем князьям русским, и дары принес многие — кони, верблюды и девки, и одарил князей русских, а сказал так: «Нашу землю отняли сегодня, а вашу завтра возьмут, обороните нас, если не поможете нам, мы ныне иссечены будем, а вы завтра иссечены будете!» Далее летописец

⁶ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.-Л. 1941, стр. 48 (далее — Тизенгаузен, II).

⁷ Там же, стр. 31 сл.

поучительно замечает: «Много те половцы зла сотворили Русской земле, того ради всемилостивый бог хотел погубить сыновей безбожных измаиловых половцев, чтобы отомстить за кровь христианскую». Но теперь было не время вспоминать о старых обидях: монголы угрожали и русским и половцам. Князья решили выступить на помощь половцам. Мотивы этого решения яснее всего выразил Мстислав в речи к князьям: «Если мы, братья, им не поможем, то половцы передадутся татарам, и их сила будет больше!»

И вот в Киеве собрались на совет «старейшины в Русской земле» — Мстислав Романович Киевский, Мстислав Мстиславович Галицкий, Мстислав Святославич Черниговский и Козельский и другие князья; не приехал сюда лишь владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович. На совете было решено выступить с войском в половецкие степи. На Днепре, у Олешья, собрались в мае 1223 г. русские дружины: «Из Киева князь Мстислав со своею силою, а из Галича князь Мстислав со всею силою, Владимир Рюрикович с черниговцами и все князья русские и все князья черниговские, а из Смоленска 400 воинов». К русскому войску присоединились отряды половцев. Были в войске также дружины из Курска, Трубчевска, Путивля и других городов. Такой большой рати давно не собиралось на Русской земле. Казалось бы, междоусобные распри забыты, и все «единым сердцем» выступают против опасного врага. Однако на деле так не было: отдельные феодальные дружины не представляли собой единого войска, они соединялись только механически, вступали в бой по частям и подчинялись лишь своим собственным князьям. Это, несмотря на значительную численность собранного войска, и предопределило в конечном счете поражение.

Первым перешел на левый берег Днепра князь Мстислав Галицкий с тысячей воинов, неожиданно напал на «сторожи татарские» и обратил их в бегство. Татары пытались спасти «воеводу своего Семейбека», спрятали его в яму и замаскировали ветками, надеясь, что русские воины, увлеченные преследованием, не найдут его. Но русские нашли воеводу и сумели получить от него необходимые сведения противника. Тогда «перешли все люди и князья все и Мстислав Черниговский реку Днепр и пошли на конях в поле Половецкое, и встретили татары полки русские, и стрельцы русские победили их и гнали далеко в поле, и взяли стада их». Началось преследование, продолжавшееся восемь дней. Однако русские полки растянулись по степи, потеряли связь друг с другом. Поэтому, когда 31 мая на реке Калке их неожиданно встретил сомкнутый строй монгольской конницы, дружины князей вступали в бой поодиночке и терпели поражение. Князь Мстислав Мстиславович Галицкий, по прозвищу «Удалой», разбил передовой отряд монголов и вместе с половцами и русскими дружинами некоторых князей ударил по главным силам противника, не поставив в известности великого князя киевского Мстислава Романовича, с которым был в ссоре. В кровопролитной битве половецкие отряды не выдержали и начали отступать, приведя в расстройство русское войско («птоптали, убегая, станы князей русских»). Тогда огромная монгольская конница перешла в наступление. «И смешались все полки русские, и была сеча злая и лютая». Князь же Мстислав Киевский стоял со своим многочисленным полком на холме над рекой Калкой, защищенный колючим деревянным укреплением, и фактически не участвовал в битве. Монголо-татары смяли русские полки и преследовали их до Днепра. Три дня затем войско киевского князя отбивало приступы монголо-татар, окруживших холм со всех сторон. Наконец, поддавшись уговорам татар сдатьсь и поверив их обещаниям сохранить жизнь за выкуп, Мстислав Романович и двое бывших с ним князей прекратили сопротивление. Страшен был их конец. Татары «укрепление взяли и людей посекали, а князей задавили, положив под доски, а сами наверх сели обедать». Потери русского войска в битве на реке Калке оказались очень тяжелыми. Шесть русских князей были убиты, а из рядовых воинов только один из десяти вернулся домой. Опустошив земли по левому берегу Днепра, монгольское войско ушло на восток⁸. Поражение на Калке оставило глубокий след в памяти народа. «И был вопль и печаль по всем городам и волостям», — сообщал летописец. Именно с этой битвой связана народная былина о гибели богатырей, до того победоносно стоявших на «заставах богатырских», у рубежей земли Русской.

Рашид-ад-Дин так описал битву на реке Калке: русские и половцы «приготовились и собрали большое войско. Видя их превосходство, монголы отступили. Кипчаки (половцы) и русские, сообразив, что они отступают со страху, двадцать дней гнались за ними. Вдруг войско монголов опять повернуло назад, ударило на них и, прежде чем они успели соединиться, перебило часть их. Бились целую неделю, наконец, кипчаки и русские обратились в бегство. Монголы шли по пятам за ними и разрушали их города до того, что обезлюднили большую часть их земель». Затем Субудай и Джебэ направились на завоевание волжских болгар, но потерпели от них серьезное поражение. Арабский историк Ибн-аль-Асир писал, что когда болгары услышали о приближении монголо-татар, то «они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них, встретились с ними и, заманив до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они остались в середине. Поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4 000 человек. Отправились они оттуда в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингис-

⁸ ПСРЛ. Т. I, стб. 503—509.

хану, и освободилась от них земля кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю»⁹.

Поход Субудая и Джебэ показал монгольским ханам достаточную сложность завоевания народов Восточной Европы. Прошло несколько лет, прежде чем монголо-татары снова появились на русских рубежах. После смерти Чингиса (1227 г.) новым великим ханом стал Угедей, который «заставил смолкнуть всех претендентов, а затем во все пограничные места и окраины своих владений назначил войска для охраны границ и областей». Другим сыновьям Чингис-хана были выделены особые улусы. По сообщению Рашид-ад-Дина, Угедей в начале 1230 г. «отправил Кукдая и Субудая с 30 тысячами всадников в сторону Кипчак, Саксин и Булгар», то есть в прикаспийские степи¹⁰, где они близ реки Яика (Урала) разбили болгарские сторожевые отряды¹¹ и приступили к постепенному захвату башкирских земель. Этим ограничилось их продвижение в Восточную Европу на данном этапе.

3. «Докуда дойдут копыта монгольских коней...»

Вопрос о монголо-татарском наступлении на запад обсуждался на курултае монгольских феодалов в 1229 году. Угедей направил в помощь отряду Субудая войска западного улуса Монгольской империи — улуса Джучи. Эти войска возглавил хан Бату (русские летописцы называли его Батыем), второй сын Джучи, любимый внук Чингиса. По словам Рашид-ад-Дина, Батый «был в большом почете и очень могуществен, вместо Джучи-хана стал ведать улусом и войском и прожил очень долго». Намеченный курултаем поход на запад не был еще общемонгольским и, как показали дальнейшие события, не принес завоевателям заметных успехов. В степях Прикаспия «вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками», которая продолжалась несколько лет. Башкирский народ тоже не желал покоряться. Волжская Болгария успешно оборонялась, воздвигнув на южной границе мощные укрепленные линии. Исследования советского археолога А. П. Смирнова выявили целую систему оборонительных рубежей — валов, прикрывавших болгарские земли со стороны степей. На этих укрепленных линиях болгарские рати задержали наступление монгольского войска, не дав пробиться к своим богатым городам. В 1232 г. монголо-татары «зимовали, не дойдя до великого города Болгарского» (Булгар)¹². Крайней точкой продвижения монголо-татарских войска улуса Джучи после нескольких лет войны были низовья Волги: отдельные отряды завоевателей изредка появлялись недалеко от земель аланов. И снова вопрос о походе на запад обсуждался на курултае. В 1235 г., когда великий хан Угедей «во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных (народов)... состоялось решение завладеть странами Булгар, Асов и Русь, которые находились по соседству становища Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он назначил царевичей: Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей; Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату — Хорду и Тангута и несколько других царевичей»¹³, а из знатных эмиров был причислен к войску Субудая-багатур, рассказывает персидский историк Джувейни, находившийся на службе у монгольских ханов.

Новый поход был общемонгольским: в нем участвовало 14 «царевичей» — монгольских ханов, потомков Чингиса. Численность монголо-татарского войска, выступившего под знаменами хана Батыя, достигала не менее 150 тыс. воинов. Это была огромная по тем временам армия. «Царевичи для устройства своих войска и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание», — отмечал Джувейни, — а весной (1236 г.) выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга». Все лето двигавшиеся из разных улусов орды провели в пути, а осенью «в пределах Болгарии царевичи соединились. От множества войска стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные...». Нашествие на Восточную Европу началось. Первый удар монголо-татарского войска был направлен на Волжскую Болгарию. Поздней осенью 1236 г. укрепления на границе Болгарии были прорваны, бесчисленные орды завоевателей, уничтожая все на своем пути, обрушились на болгарские земли. Монголо-татары «силой и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью. Для примера подобным им, жителей его (частью) убили, а (частью) пленили»¹⁴. Картины страшного опустошения Волжской Болгарии и гибели людей рисовали русские летописцы: «Той же осенью (1236 г.) пришли из Восточных стран в Болгарскую землю татары, и взяли славный великий город Болгарский, и избили оружием от

⁹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884, стр. 28 (далее — Тизенгаузен, I).

¹⁰ Тизенгаузен, II, стр. 34.

¹¹ ПСРЛ. Т. I, стб. 453.

¹² Там же, стб. 459.

¹³ Тизенгаузен, II, стр. 22.

¹⁴ Там же.

старца до юного и до младенца, сосущего молоко, и взяли товара множество, а город их пожгли огнем, и всю землю их пленили»¹⁵. Разрушены были многие болгарские города — Булгар, Булар, Кернек, Сувар и другие, подверглись массовому опустошению и сельские местности. В бассейне рек Бездны и Актая археологами обнаружены многочисленные поселения (13 городищ и 60 селищ), погибшие во время монголо-татарского погрома. «Один из четырех свирепых псов Чингис-хана», Субудай, не щадил никого. Весной 1237 г. возглавляемое им войско двинулось в прикаспийские степи, где продолжало войну с половцами. Завоеватели перешли Волгу и широким фронтом мелких отрядов, неизвестной монгольской «облавы», прочесали степи (тактика «облавы» заключалась в том, что какая-либо территория замыкалась кольцом монгольских отрядов, которые, двигаясь широким фронтом к центру, уничтожали все живое, попавшее в «облаву»). Левый фланг «облавы» следовал вдоль берега Каспийского моря и далее по степям Северного Кавказа к низовьям Дона, правый двигался севернее, по половецким степям. Здесь воевали отряды Гуюк-хана, Монкэ-хана и Менгу-хана. Война с половцами продолжалась все лето.

В то же время другое многочисленное монгольское войско ханов Батыя, Орды, Берке, Бури, Кулькана завоевывало земли на правобережье Средней Волги. Здесь жили племена буртасов, аржанов и мокши. Народы Юго-Восточной Европы — болгары, половцы, аланы, мелкие племена Поволжья — внесли свой вклад в ее оборону, отразив первый натиск монголо-татарских завоевателей. И даже тогда, когда, по словам Джувейни, «все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертаниями высшего повеления» монгольских ханов, борьба продолжалась. Завоеванные народы восставали. Так, несколькими кипчакским удалыцам во главе с Бачманом удалось спастись; к этим смельчакам присоединились и другие. Мало-помалу сопротивление этого отряда, утверждал Джувейни, «усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска (монгольские) ни искали следов (его), нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем ему большей частью служили берега Итиля (Волги), он укрывался и прятался в лесах их... Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек пошли облавой по обеим сторонам реки». В конце концов им удалось схватить Бачмана, которого Менгу-хан приказал разрубить на две части¹⁶. В действиях Бачмана и его удалыцов можно увидеть достаточно сильное и массовое народное движение против завоевателей. Чтобы справиться с ним, монголам пришлось не только построить флот, но и выставить значительное число вооруженных воинов; в походе против Бачмана участвовали два высокородных хана, сыновья самого Чингиса — Менгу и Бучек. Выступление против завоевателей произошло и в Волжской Болгарии. Как сообщил Рашид-ад-Дин, во время монголо-татарского нашествия на эту страну в 1236 г. «тамошние вожди Баян и Джикун» (видимо, правители отдельных областей) «изъявили покорность, были щедро одарены и вернулись обратно, но потом опять возмутились»¹⁷. Сюда вторично был послан Субудай для их усмирения. Героическое сопротивление народов Нижнего и Среднего Поволжья задержало завоевателей. Только глубокой осенью 1237 г. монголо-татарские ханы смогли сосредоточить свои полчища у границ Северо-Восточной Руси.

О тревожной обстановке в Восточной Европе накануне монголо-татарского нашествия, о первых походах завоевателей и о борьбе местных народов против них много интересных сведений сообщил венгерский монах Юлиан, который в 1235—1236 гг. и в 1237—1238 гг. совершил путешествия в Восточную Европу. Официальной целью его путешествий были поиски «венгров-язычников», проживавших в Приуралье, для проповеди среди них христианства. Но, вероятнее всего, это была глубокая разведка, предпринятая для сбора сведений о монголо-татарах и о положении дел в Восточной Европе с благословения папы римского, не на шутку обеспокоенного монголо-татарским продвижением. Юлиан побывал в землях аланов, в Нижнем Поволжье, в Приуралье (на реке Белой), во Владимиро-Суздальской и Южной Руси. Алания, недавно пережившая монгольское нашествие, свидетельствовал Юлиан, снова находилась в тревожном ожидании, ибо монголы были на Волге. Волжская Болгария, по его словам, — «великое и могущественное царство с богатыми городами». Произвела впечатление на монаха также Мордовия — «страна язычников»¹⁸. Сведения, собранные Юлианом у «крайних пределов Руси» о монголо-татарах, довольно ценны. Он сообщал, что монгольский хан, «считая себя сильнее всех на свете, стал выступать против царств, намереваясь подчинить себе весь мир». Юлиан писал о том, как вели себя завоеватели на захваченных землях: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, которых погнала в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли, назначая каждому

¹⁵ ПСРЛ. Т. I, стб. 460.

¹⁶ Тизенгаузен, II, стр. 23—24.

¹⁷ Там же, стр. 44.

¹⁸ С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII века о татарах и Восточной Европе. «Исторический архив». Т. 3. 1940, стр. 77—82.

по двенадцати и более, и обязывают тех людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарности невелика: если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Поэтому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить и умереть скорее...

Далее говорят, что женщины их воинственны, как они сами: пускают стрелы, ездят на конях и верхом, как мужчины; они будто бы отважнее мужчин в боевой схватке, так как иной раз, когда мужчины обращаются вспять, женщины ни за что не бегут, а идут на крайнюю опасность... На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок». Говоря о численности монголо-татарского войска, Юлиан утверждает, что «его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая была бы в состоянии противостоять одной их части. Далее говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших воинов их закона в строю»¹⁹. Сведения Юлиана дополняют рассказы русских летописцев о сосредоточении войск хана Батая у границ Руси: «Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что (монголо-татарское) войско, идущее в страны запада... остановилось против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских. Они, как передавали нам сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских».

Чрезвычайно интересные сведения сообщал Юлиан о дипломатической подготовке монголо-татарскими ханами нашествия на запад: «Князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, как говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому монгольский хан отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю Суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял. Самых послов даже я видел со спутниками, мне данными. Вышеуказанное письмо, данное мне князем суздальским, я привез королю венгерскому. Письмо же писано языческими буквами на татарском языке. Поэтому король нашел многих, кто мог прочесть его, но понимающих не нашел никого. Мы же, проезжая через Куманию (половецкие степи), нашли некоего язычника, который нам его перевел. Этот перевод таков: «Я — хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, двинусь тебе, король венгерский: хотя я в тридцатый раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобою воинов, и один ты правишь великим королевством. От того-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов²⁰ ты держишь под своим покровительством; посему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?»

При слухах о приближении грозных монголо-татарских завоевателей Западную Европу охватила паника. «Франция и все другие земли были напуганы известиями о татарах. Много бежало людей из Венгрии и областей Алеманнии. Из-за боязни татар много осталось во Франции нераспроданных товаров»²¹. Английские рыбаки побоялись выйти в море на лов сельди. Но пока в Западной Европе гадали, откуда пришли эти полчища кочевников, кто они и до какого предела намерены войти в своем опустошительном нашествии, Русь уже встретила их первый, самый страшный удар. Как это неоднократно бывало и раньше, Русь грудью заслонила путь кочевникам в страны Западной Европы.

4. Перед ударом

«О светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская и многими красотами преисполненная: озерами многими, реками и источниками, месточестными горами, кру-

¹⁹ Впрочем, и другие современники-европейцы приводили самые фантастические данные о численности монголо-татарского войска. Так, в сочинении «О деяниях царей венгерских» Симона утверждается, что монголы имели «500 000 вооруженных», а в анонимном продолжении «История царства Французского» говорится со слов Понс д'Обена, магистра ордена тамплиеров во Франции, что монгольское войско «занимает 18 миль в длину и 12 в ширину» («История Татарии в документах и материалах». М. 1937, стр. 46—48).

²⁰ Имеются в виду половцы, часть которых после появления монголо-татар в причерноморских степях откочевала в Венгрию и была принята венгерским королем Белой IV.

²¹ «История Татарии в документах и материалах», стр. 46.

тыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, садами обильными, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты наполнена, земля Русская... Отсюда до венгров и до поляков и до чехов, от чехов до ятвягов и от ятвягов (литовское племя) до литвы, от немцев до корел, от корел до Устюга, где были тоймичи язычники, и за дышущее море (Ледовитый океан), от моря до болгар (камских), от болгар до буртас, от буртас до черемис, от черемис до мордвы,— то все покорено было христианскому языку, языческие страны, великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не вылезала, а венгры укрепляли каменные города железными воротами, чтобы на них великий Владимир не наехал, а немцы радовались, будучи далече за синим морем...» — с гордостью писал неизвестный автор «Слова о погибели Русской земли» о Руси накануне монголо-татарского нашествия.

Но беспокойно было на Руси. Приключилась «в эти дни болезнь христианам»²². Этой «болезнью», беспокоившей автора «Слова о погибели Русской земли», была феодальная раздробленность. Могучее древнерусское государство — Киевская Русь, в течение нескольких столетий отражавшая наступление кочевых орд, окончательно распалась в 30-х годах XII в. на отдельные феодальные княжества. По образному выражению акад. Б. А. Рыбакова, «для молодого русского феодализма IX—XI вв. единая Киевская Русь была как бы нянькой, воспитавшей и охранявшей от всяких бед и напастей целую семью русских княжеств. Они пережили и двухвековой натиск печенегов, и вторжение варяжских отрядов, и неурядицу княжеских распрей, и несколько войн с половецкими ханами и к XII в. выросли настолько, что смогли начать самостоятельную жизнь»²³. Но феодальная раздробленность не стала периодом лишь упадка страны и каким-то абсолютным шагом назад в историческом развитии Руси. Напротив, она явилась закономерным этапом в истории феодальной формации, обеспечила дальнейшее политическое, экономическое и культурное развитие русских земель. Утверждение в местных феодальных центрах своих княжеских династий, приведшее к прекращению бесконечных перемещений князей с их дружинами из города в город, из княжества в княжество, было положительным явлением. Ведь даже простые «отъезды» князей, не говоря уже о феодальных войнах, создавали в стране обстановку общей неустойчивости, нарушали нормальную жизнь, вызвали обострение классовых противоречий. В период феодальной раздробленности князья, прочно осевшие в «отчинах», старались регулировать поборы, чтобы оставить наследникам свои владения в приличном состоянии. Успешнее развивалось и боярское хозяйство, избавленное от разорительных «наездов» представителей великокняжеской администрации — тиунов, данщиков и вирников. Внутри больших земель-княжений во второй половине XII — начале XIII в. уже наблюдалась тенденция к усилению княжеской власти, постепенная политическая консолидация, подготавливавшая объединение страны на новой, более прочной основе. Эту тенденцию нелегко проследить в неразберихе княжеских междоусобных войн, боярских заговоров и кровавых столкновений князей с собственным боярством (из которых первые далеко не всегда выходили победителями!), периодических «отпочкований» мелких и мельчайших «уделов», в которых сидела строптивая «меньшая братия» владимирских, черниговских, смоленских, полоцких, галицко-вольских князей, — но условия, способствовавшие политическому объединению страны, уже складывались. Постепенно создавались крупные экономические области (примерно соответствовавшие по своей территории отдельным землям-княжениям), нарушалась замкнутость натурального хозяйства и устанавливались экономические связи города с деревней, усиливались социальные элементы, поддерживавшие великокняжескую власть (служилые феодалы и торгово-ремесленная верхушка городов).

Успешно развивалось сельское хозяйство, составлявшее основу экономики феодальной Руси. Повсеместное распространение получало пашенное земледелие, вытеснявшее подсечное даже в отдаленных северо-восточных районах. Осваивались новые земли в Поволжье и на Русском Севере. С введением трехполья и удобрения почвы навозом повысилась урожайность. В сельском хозяйстве стало массовым применение железных орудий, которые в большом количестве производили городские ремесленники: по археологическим материалам известно более 40 видов железного сельскохозяйственного инвентаря того времени. С применением более совершенных орудий наблюдается рост производительности труда в земледелии. Этому способствовало и распространение натуральной ренты, которая давала крестьянскому хозяйству большую самостоятельность и повышала заинтересованность крестьян в результатах своего труда. Период экономического подъема переживали города. В XIII в. их насчитывалось около 300. Археологические раскопки древнерусских городов свидетельствуют о высоком искусстве русских ремесленников, о наличии многочисленных ремесленных специальностей (их было около 60), о масштабах ремесленного производства. Изделия русских ремесленников — кузнецов, оружейников, ювелиров — славились далеко за пределами Руси и вывозились в страны Центральной и Западной Европы. В городах появлялись кор-

²² «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV века». М. 1960, стр. 431—432.

²³ Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М. 1964, стр. 148.

поративные организации купцов и ремесленников, характерные для средневековья. Они выступали за свои сословные права, отстаивали городские «вольности» от притязаний феодалов. Могучие в экономическом и политическом отношении крупнейшие города Древней Руси (Новгород, Полоцк, Смоленск и некоторые иные) уже стояли на пути превращения в свободные «города-коммуны», сыгравшие такую большую роль в истории западноевропейского средневековья. Развивалась и древнерусская культура. Кроме Киева, возникли новые культурные центры в различных областях страны, которые тоже внесли свой вклад в общую сокровищницу древнерусской культуры. Во Владимире, Галиче, Чернигове, Новгороде и многих других городах Руси развивалась культура, отличавшаяся местными особенностями и своеобразием. В условиях феодальной раздробленности древнерусская цивилизация в основе оставалась единой: культура различных феодальных княжеств выросла из богатейшего наследия Киевской Руси, была объединена общностью исторических судеб и социально-экономической структуры русских княжеств, единством материальной основы феодального общества. Широко развернулось каменное строительство: местные князья, обособившись от Киева, старались украсить свои столицы роскошными строениями. Многие шедевры древнерусской архитектуры, до наших дней вызывающие восхищение, созданы в то время: строгие церкви Великого Новгорода, белокаменные соборы Владимиро-Суздальского княжества, украшенные искусной резьбой, роскошные дворцы Галичко-Волынской земли... Распространилась грамотность. Можно без преувеличения сказать, что для городского населения Древней Руси грамотный человек не был редкостью. О том свидетельствуют найденные археологами многочисленные знаменитые берестяные грамоты, а также надписи на ремесленных изделиях и «граффити» (резные надписи) на стенах храмов. Автор «Слова о погибели Русской земли» имел все основания писать: «Всем ты наполнена, земля Русская!»

Тем не менее феодальная раздробленность несла в себе и отрицательные черты. Что касается ее связи с будущим поражением Руси от монголо-татар, то трагедия Руси заключалась в том, что прогрессивные процессы, проходившие во второй половине XII — первой половине XIII в., еще не завершились ко времени монголо-татарского нашествия. Перед лицом внешнего врага решающую роль сыграла военная слабость страны: полчища Батыя встретило не объединенное русское войско, а дружины и ополчения отдельных городов и княжеств. Такова своеобразная логика истории: решающее военное преимущество монголо-татарам дала как раз их отсталость по сравнению с Русью. Монгольское раннефеодальное государство еще не дошло до этапа феодальной раздробленности. В этом, между прочим, состояла в конечном счете историческая обреченность монголо-татарских завоеваний, ибо к тому времени, когда Золотая Орда — государство завоевателей — переходила к делам и мелким улусам, на Руси уже складывалось вокруг Москвы централизованное государство, которое потом сбросило чужеземное иго.

Русский народ и другие народы оказали героическое сопротивление завоевателям. Ремесленники производили для русского войска много разнообразного и совершенного по тому времени оружия. Как и в годы войны с печенегами, основным оружием русского дружинника XIII столетия был прямой обоюдоострый меч. Но форма его несколько изменилась: меч стал короче, легче, удобнее в бою, а заостренный конец давал возможность не только рубить, но и колоть врага. Известна на Руси и изогнутая сабля, однако широкого распространения в русском войске она не получила. В летописях сабля как орудие русского воина упоминается с IX в. и до начала XIII в. только три раза, а меч — более 50 раз. Саблями были в основном вооружены отряды вспомогательной конницы из кочевников, служивших русским князьям, — торков, берендеев, печенегов. Как и в предыдущие столетия, важнейшим оружием русского дружинника оставалось копьё с железным наконечником на длинном прочном древке. Удар конницы, вооруженной такими копьями и на полном скаку врзавшейся во вражеский строй, был сокрушительным. Русские воины использовали в бою и металлические копья — короткие и легкие «сулицы», которые бросали во врагов непосредственно перед рукопашной схваткой. У многих воинов были также луки: бой обычно начинался с перестрелки. По словам летописцев, воины «пускали множество стрел, так что и неба не было видно»: стрелы «шли, как дождь». Защитное вооружение русского витязя состояло из высокого, плавно вытянутого кверху шлема и кольчужного доспеха — «брони». Применение тяжелых доспехов — «броней» — было массовым. Даже такой, далеко не первоурядный князь, как Юрий Владимирович Белозерский, мог выставить «тысячу бронников», то есть дружинников, одетых в кольчуги. Защитное вооружение дополнялось овальными или миндалевидными щитами с металлическими бляхами. Щиты были обычно красного цвета, «червлеными».

Русские дружинники являлись профессиональными воинами, опытными и умелыми, привычными к нелегкой, полной опасности военной жизни, всегда готовыми к походам и битвам, превосходно вооруженными. Однако русские дружины были немногочисленными. Они состояли из нескольких сот или в редких случаях тысяч воинов. Уже прошло то время, когда великие князья киевские могли выводить в поход на Византию или собирать для обороны степной границы войско в десятки тысяч воинов. Для периода феодальной раздробленности было характерно уменьшение численности войска. Так, судя по летописям, для XI в. известны 2 случая, когда собиралось войско более 10 тыс. человек, от 1 до 10 тыс. — тоже 2 случая, менее 1 тыс. человек — 3 случая.

Для XII в. более 10 тыс. человек—4 случая, от 1 до 10 тыс. человек—5 случаев, менее 1 тыс. человек—12 случаев. Для XIII в. более 10 тыс. человек—один случай, от 1 до 10 тыс.—6 случаев, менее 1 тыс. человек—7 случаев²⁴. Таким образом, примерно в 20 процентах войн войско Древней Руси превышало 10 тыс. человек. Походы, для которых собирались объединенные рати численностью в 40—50 тыс. воинов из многих княжеств, были редкостью и удавались лишь в особо благоприятных условиях. Собрать объединенное войско перед нашествием Батия русские князья не смогли. При оценке военных сил Руси следует помнить, что даже княжеские дружины, отличавшиеся превосходными боевыми качествами, в силу феодального характера войска были мало пригодны к действию большими массами, под единым командованием и по единому плану. Князь считался главой войска своего княжества. Но отдельные полки, состоявшие обычно из боярских и других местных дружин, знали в первую очередь своего предводителя и не всегда считались с распоряжениями князя. Действовал обычный для средневековья принцип: «Вассал моего вассала — не мой вассал!» Еще большие трудности встречало руководство объединенным войском нескольких княжеств, не говоря уже о том, что такое войско было чрезвычайно сложно собрать из-за междоусобных распрей. Даже во время совместных походов между князьями нередко возникали разногласия, полная несогласованность действий, нежелание прийти на помощь соседу, попавшему в трудное положение, и все это несмотря на обычные перед походами клятвы быть «сердцем едиными». В результате феодальный характер войска даже в случае концентрации значительных сил мешал одержать возможную победу. Так было, например, в битве на реке Калке, когда русские дружины не смогли добиться успеха, хотя и имели численное превосходство над противником.

При недостаточной численности княжеских и боярских дружин только привлечение еще и народного ополчения могло остановить продвижение крупных сил внешнего врага. Но если княжеские дружины по вооружению и боевой выучке превосходили монгольскую конницу, то об основной, наиболее многочисленной части русского войска, городских и сельских ополчениях, этого сказать нельзя. Прежде всего ополченцы уступали кочевникам в качестве вооружения. Самым распространенным оружием смердов-ополченцев были простые хозяйственные топоры, рогатины, резе копья. Случалось, смерды выходили на битву с колымами и палками — «киями». Мечи и доспехи у ополченцев встречались чрезвычайно редко. Специально набранное из крестьян и горожан ополчение, безусловно, уступало воинам-кочевникам, для которых война была привычным бытом, и в умении владеть оружием.

Феодальная раздробленность наложила определенный отпечаток и на характер оборонительных мероприятий Руси. В условиях единого древнерусского государства основные усилия были направлены на организацию обороны южной степной границы в масштабах всей страны. По единому плану строились вдоль пограничных рек укрепленные линии, состоявшие из мощных валов и рвов; возводились цепи пограничных крепостей с сильными гарнизонами, созданными с различных земель Руси. В случае опасности к степной границе в стратегически выгодном пункте собирались рати многих городов, чтобы нанести удар кочевникам. Вся эта веками складывавшаяся система обороны страны ко времени нашествия монголо-татар оказалась нарушенной: общегосударственные мероприятия по обороне южной границы были уже не под силу отдельным князьям. В условиях «войны всех против всех», свойственной феодальной раздробленности, на смену единой системе обороны страны пришла оборона каждого княжества в отдельности, причем задачи отпора внешнему врагу были далеко не главными. Соответственно строились и укрепления в княжествах. Это наглядно видно, скажем, в Рязанском княжестве, которое в силу своего пограничного положения на южной окраине, казалось, должно бы было уделить основное внимание обороне со стороны Ценовецкой земли. Между тем со стороны степей Рязанское княжество прикрывали только укрепления Пронска и выдвинутого далеко на юг Воронежа. А вот с севера, со стороны Владимиро-Суздальского княжества, рязанские земли имели целую цепь сильных крепостей. Выход из Москвы-реки в Оку прикрывала Коломна, несколько выше по Оке стояла рязанская крепость Ростиславль, ниже по течению Оки — Борисов-Глебов, Переяславль-Рязанский, Ожск. Западнее, на реке Осетре, был воздвигнут Зарайск; восточнее и северо-восточнее Рязани — Ижеславец, Исады.

Укрепления русских городов были в основном предназначены для противодействия соседу во время феодальных войн, которые обычно велись небольшими княжескими дружинами. Городские укрепления состояли из небольшого по площади «детинца», места жительства князя, его бояр и дружинников, и обширного посада, опоясанного линией земляных валов с деревянными стенами и башнями. При сооружении крепостей широко использовались высокие, обрывистые берега рек, склоны холмов, овраги, болота. Феодальному характеру войн соответствовала тактика осады и обороны городов. Если неожиданным налетом город взять не удавалось и внутри него не оказывалось сторонников, которые могли открыть городские ворота, то начиналась осада, рассчитанная чаще всего на измор осажденных. Нападавшие старались отрезать город от внешнего мира, «отнять воду», предупредить возможность «вылазок» защитников города. В русском войске не было осадных машин, с помощью которых можно было разру-

²⁴ В. Вилинбахов. Источники требуют критического подхода. «Военно-исторический журнал», 1961, № 4, стр. 119.

шить валы и стены, преодолеть укрепления. Поэтому, если в городе было достаточно воды и продовольствия, осада часто оказывалась безуспешной. Иногда удавалось поджечь деревянные стены или вызвать пожар внутри города. Это делалось руками лазутчиков или тайных сторонников среди осажденных. Ко времени монголо-татарского нашествия русские города еще не имели опыта борьбы с активной осадой. Не было у них и специальных систем укреплений, способных пртивостоять штурмам с массовым применением таранов и метательных машин. Использование большого количества осадных машин — «пороков», неизвестных русским воинам, дало еще одно преимущество монголо-татарским завоевателям. К тому же большинство древнерусских городов имело сравнительно немногочисленное население. По подсчетам акад. М. Н. Тихомирова, только наиболее крупные из них (Новгород, Чернигов, Владимир-на-Клязьме, Владимир-Волынский, Галич, Киев) насчитывали по 20—30 тыс. жителей и могли в случае серьезной опасности выставить по 3—5 тыс. воинов. Ростов, Суздаль, Рязань, Переяславль-Русский были еще меньше, а численность населения других русских городов редко превышала 1 000 человек²⁵. Если вспомнить, как монголы ранее успешно штурмовали крупные азиатские города, обнесенные каменными стенами, имевшие множество метательных машин и насчитывавшие десятки и сотни тысяч жителей, то можно представить, сколь тяжелой оказалась героическая борьба русских городов против полчищ Батыя²⁶.

Опасность была грозной. Монголо-татарские полчища приближались. Но на Руси даже накануне нашествия не делалось каких-либо попыток объединить военные силы для отпора врагу. Русских феодалов Калка мало чему научила, они немного сделали для организации обороны, хотя знали о готовившемся вторжении. Сведения о первом после Калки появлении монгольской конницы на рубежах Юго-Восточной Европы дошли до Руси из Волжской Болгарии. Знали на Руси и о военных действиях у болгарских границ в 1232 г., когда монголо-татары зимовали в прикаспийских степях, не пробившись к болгарским городам. В 1236 г. русские летописцы сообщили о разгроме монголо-татарами Волжской Болгарии. Владимирский великий князь Юрий Всеволодович хорошо знал о готовившемся нашествии: именно в его владения направился основной поток беженцев из разгромленного монголами Поволжья. Болгары массами приходили тогда во Владимир-Суздальскую землю и просили убежища. Владимирский князь «вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие». О завоевательных планах монголо-татарских ханов Юрию Всеволодовичу было известно также от татарских послов, неоднократно проезжавших через русские земли на запад. Знали на Руси и о месте сосредоточения монголо-татарских орд для похода на Северо-Восточную Русь: о том, где собирались войска Батыя осенью 1237 г., венгерскому монаху Юлиану «передавали словесно сами русские». Даже если допустить, что наступление монголо-татар именно зимой явилось определенной тактической неожиданностью для русских князей, привыкших к осенним набегам половцев, то о стратегической внезапности не могло быть и речи. После разгрома Волжской Болгарии и появления в русских землях болгарских беженцев многие лица советовали великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу «города крепить и со всеми князи согласиться к сопротивлению, ежели оные нечестивые татары придут на землю его, но он, надеясь на силу свою, яко и прежде, оное презрил»²⁷. Каждое русское княжество встретилось с несметными полчищами хана Батыя один на один. В этой обстановке можно только восхищаться и гордиться народными массами, сумевшими оказать завоевателям героическое сопротивление и сорвавшими далеко шедшие завоевательные планы монголов. Велик был подвиг народа, свершившего это, и неисчислимы жертвы, понесенные русскими людьми в битвах за родную землю.

²⁵ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М. 1956, стр. 139—140.

²⁶ Подробнее о вооружении, тактике, стратегии русского войска и укреплениях русских городов см.: «История культуры Древней Руси». Т. I. М.-Л. 1948, стр. 397—470.

²⁷ В. Н. Татищев. История Российская. Т. 3. М.-Л. 1964, стр. 230.

(Продолжение следует.)